

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ПРЯТКИ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2022

ГЛАВА 1

*США, штат Колорадо,
Денверский военный госпиталь,
сентябрь 1955 года*

Денвер, расположенный к востоку от Скалистых гор, в долине реки Саут-Платт, можно было назвать «мечтой американца». Местные жители прозвали его «город на мильной высоте» за точное совпадение цифры, измеряющей наибольшую высоту над уровнем моря, с американской милей. А еще — «полигон смерти»... С некоторых пор, разумеется, но все же...

Прозвище это являлось негласным, скорее тайным, и появилось у Денвера совсем недавно. Вряд ли земельный спекулянт из восточного Канзаса генерал Уильям Лаример, выкупивший участок у слияния рек Вишневый ручей и Саут-Платт, мог предположить, что судьба города, которому он лично дал название и вдохнул жизнь, подвергнется столь суровому испытанию. Тогда, в далеком 1858 году, Лаример мечтал увидеть Денвер, получивший имя в честь тогдашнего

губернатора Канзаса, крупным объектом золотодобычи, а впоследствии и крупнейшим железнодорожным узлом, соединяющим все штаты.

Отчасти его мечты сбылись. Уже к 1863 году компания «Вестерн Юнион» закрепила за Денвером статус транспортного узла региона, сортирующего прибывающие грузы. 1 августа 1876 года территория Колорадо получила новый статус, став тридцать восьмым американским штатом, столицей которого провозгласили Денвер. К концу века город охватил разгул преступности, и все же это обстоятельство не помешало ему к началу нового века оказаться на третьем месте по численности населения к западу от Омахи. К середине 1950-х годов он стал местом сбора поэтов и писателей бит-поколения, а средний класс начал перебираться в пригород, отстраивая себе дома попросторнее. Город рос, хорошел и имел чудесные перспективы.

Но в 1953 году, когда по распоряжению министра энергетики в двадцати пяти километрах от Денвера был построен объект, производивший для ядерных боеголовок плутоний, ситуация резко ухудшилась. Очень скоро поползли слухи об утечке радиоактивных отходов, загрязнении атмосферы и увеличении раковых больных среди местного населения. Репутация города оказалась испорченной, радужные перспективы поб-

лекли, и все из-за нестабильной политической обстановки и стремления государственных мужей удержать мировое лидерство в роли ядерной державы.

Тем не менее местные жители уезжать из Денвера не спешили. Город пережил много катаклизмов, переживет и этот, считали они. В городе продолжали строиться новые дома, открывались торговые лавки, кабинеты практикующих врачей, всевозможные учреждения бытового обслуживания. Особой достопримечательностью города Денвера являлся военный госпиталь Фисцимонс. Считалось, что специалисты госпиталя настолько хороши, что, когда у президента США Дуайта Эйзенхауэра случился инфаркт, по рекомендации лечащего врача его привезли именно в Фисцимонс.

Это случилось 25 сентября 1955 года, а 27-го, к вечеру, он уже рвался в бой, заявляя, что «государственные дела ждать не будут». Доктор Снайдер, его лечащий врач, заручившись поддержкой супруги президента, убедил того остаться в постели. Пока Мейми, жена Эйзенхауэра, подписывала открытки-ответы всем тем, кто в период болезни захотел поддержать Дуайта, лично пожелав ему здоровья, президенту оставалось лишь вспоминать, размышлять и сожалеть.

О чем он думал? На какие вопросы пытался найти ответ? Лежа в постели и глядя в окно,

он размышлял о превратностях судьбы. За сутки до инфаркта он играл в гольф в Черри-Хилз, за месяц — собирался с семьей в заслуженный отпуск, а за два... В этом и крылась причина болезни. Истинная причина.

Начало 1950-х оказалось сложным и для американского народа, и для правительства страны. Дуайт Эйзенхауэр вступил на пост президента в тяжелый период, когда противостояние между СССР и США обострилось до предела. Все мировое сообщество ощущало себя на грани ядерной катастрофы, и даже американское правительство, не так давно являвшееся монополистом в вопросе ядерного вооружения, благодаря стараниям Союза потеряло это преимущество и теперь уже не могло с уверенностью смотреть в завтрашний день. «Холодная война» начала очередной виток, а американский народ получил новую угрозу. На этот раз гонка вооружений грозила не только финансовым и психологическим кризисом, но и реальным уничтожением если не всего мира, то большей его части.

Перл-Харбор слишком явно показал, какова цена внезапного нападения, а скорость, с которой Советский Союз отвечал на каждое новое изобретение американских разработчиков ядерного оружия, давала повод снова и снова наращивать обороты. «Проект Манхэттен»,

специальная программа США по разработке ядерного оружия, которая вела свою работу с августа 1942 года, дала весьма ощутимые результаты. Ощутимые для всех. Тридцать третий президент Соединенных Штатов, Гарри Трумэн, наглядно показал военную мощь Америки, отдав приказ в августе 1945-го на бомбардировку японских городов.

Прав ли он был, приняв решение о бомбардировке? Стоило ли таким радикальным способом решать проблему отказа Японии от капитуляции? Два детища Манхэттенского проекта, урановая бомба L-11 с кодовым названием «Мальш» и плутониевый «Толстяк», шокировали своими возможностями не только японцев. Наглядная демонстрация заставила военный кабинет Японии под нажимом императорской власти подписать документ о безоговорочной капитуляции, тем самым доказав целесообразность решения Трумэна.

Как бы поступил на месте Трумэна он, Эйзенхауэр? Просчитав человеческие жизни, которые унесли всего два взрыва, смог бы он отдать такой приказ? Часть американцев считали Хиросиму и Нагасаки достойным ответом на Перл-Харбор. Так ли это? Большую часть гавани на острове Оаху занимала военная база Тихоокеанского флота Военно-морских сил США,

и две с половиной тысячи погибших были военными. Здесь же речь шла о промышленных городах с мирным населением, насчитывавшим сотни тысяч человеческих душ. Да, в Хиросиме располагался штаб пятой дивизии и Второй основной армии, но мирных жителей там было гораздо больше, чем военных.

С другой стороны, на тот момент в войне против Японии уже погибло более двухсот тысяч американских подданных. Только в ходе операции по захвату японского острова Окинава армия Америки потеряла более десяти тысяч погибшими. Тридцать девять тысяч были ранены, а значит, тоже пострадали. Военные аналитики от вторжения в саму Японию ожидали потери в десятки раз превышающие потери при Окинаве. Так как ответить на вопрос: стоят ли десятки тысяч жизней американцев десятков тысяч жизней японцев?

Эйзенхауэр благодарил судьбу, что ему не пришлось принимать подобного решения. Как и решения относительно начала корейской войны. Когда он занял пост президента, война между Красной Северной и Южной Кореей шла полным ходом. Активные боевые действия на Корейском полуострове обострили внутренние противоречия в США. Рядовые американцы хотели знать, за что гибнут их сыны, и не хотели мириться с их потерей. Основой предвыборной

кампании Эйзенхауэра было обещание покончить с войной в Корее, и это обещание он сдержал. В июле 1953 года воюющими сторонами было подписано перемирие. Пусть еще не мирный договор, но тем не менее...

А вот второе по значимости предвыборное обещание Дуайт Эйзенхауэр, как ни старался, выполнить не мог. Перемирие между двумя Кореями, по сути, ничего США не принесло. Победителей в войне не оказалось, боевые действия как начались на тридцать восьмой параллели, так на ней и закончились. Для Америки это означало усиление «холодной войны», а это, в свою очередь, заставило действующего президента продолжить гонку вооружений.

Всему виной страх, обычный человеческий страх. Нельзя допустить, чтобы противник превзошел тебя в вооружении, по численности войск, военной техники и авиации. Это просто недопустимо, если ты болеешь за свой народ! Период, когда американцы могли смело заявлять, что ни один правитель в здравом уме не станет посягать на интересы США, так как в их руках мощнейшее на всей планете оружие максимальной разрушительной силы, продлился совсем недолго. Уже в августе 1949 года Советский Союз провел испытания своей первой атомной бомбы. Успешные испытания.

И Америка перестала быть единственной ядерной державой. Но сдаваться никто не собирался. Ученые продолжали свою работу, и в ноябре 1952 года получили и испытали первый в мире термоядерный заряд. И что же? К августу 1953 года в СССР была готова водородная бомба. Не заряд, а полноценная бомба, испытания которой прошли так же успешно.

Америка подготовила новый реванш: испытания двухступенчатого заряда на атолле Бикини Маршалловых островов. Энерговыделение при взрыве достигло пятнадцати мегатонн — самое мощное из всех ядерных испытаний. Прошло оно не совсем так, как планировали специалисты, но дало правильное направление на пути к успеху. Теперь у США была возможность разработать миниатюрные водородные бомбы, которые можно будет перемещать на специальных самолетах-бомбардировщиках куда угодно.

Тут бы и успокоиться, но... Главы разведывательного управления получили секретную информацию, что СССР в качестве ответа на американские испытания «Касл Браво» готовит очередной сюрприз. По данным разведки, Советский Союз вел разработку двухступенчатого заряда, только испытание он планировал провести не как проверку отдельного заряда, а как взрыв полноценной бомбы. Получалось, что у Союза

в вопросах ядерного вооружения снова появлялось преимущество. По данным ЦРУ, к концу 1951 года СССР владел почти тридцатью водородными бомбами, готовыми к применению. В совокупности со стратегическими бомбардировщиками, имеющими возможность совершать межконтинентальные перелеты, количество которых в СССР росло с каждым годом, это означало, что коммунистические власти могли с легкостью стереть с лица земли половину Америки.

Вот почему свое обещание направить средства, высвободившиеся благодаря прекращению боевых действий, в Фонд реконструкции и развития Эйзенхауэр выполнить никак не мог. Он должен был продолжать участвовать в гонке вооружений, так как считал, что тем самым укрепляет безопасность Америки.

Последствия испытаний на атолле Бикини оказались для Штатов неблагоприятными в плане общественного мнения. Мощность взрыва в два с половиной раза превысила расчетную. Радиационный фон от взрыва привел к человеческим жертвам.

Так, на необитаемом краю атолла Ронгелап, расположенного почти в двухстах километрах от Бикини, радиационный фон достиг 1000 рентген в час. И это при 600 рентгенах смертельных для человека! На южном, обитаемом, краю он достиг

300 рентген в час, отчего лучевой болезнью заболели шестьдесят четыре жителя. Радиоактивная пыль из облака осыпала японское рыболовное судно «Фукуру-Мару», находившееся в ста семидесяти километрах от взрыва, и привело к сильному облучению команды.

Эти инциденты повернули общественное мнение против испытаний ядерного оружия. Антиядерные демонстрации прошли по всему миру, заставив представителей власти по-новому взглянуть на последствия ядерных взрывов. Все чаще стали звучать призывы к разоружению и прекращению любых ядерных испытаний. Но на это Эйзенхауэр пойти никак не мог! Он должен был наращивать мощь страны, должен был сохранить превосходство США по количеству ядерного оружия. Он понимал, что новые бомбы — это новые затраты и рост напряженности. Но что можно было с этим поделать?

Несмотря на явный тупик, в котором он оказался, Дуайт продолжал искать выход, и вот в начале 1955 года ему показалось, что он его нашел. Свободное небо! Что, если США и СССР откроют друг другу воздушное пространство, позволят использовать свои аэродромы для разведывательных полетов? Почему нет? В себе Эйзенхауэр уверен: американская мораль и открытый характер не допускают мысли о проведении секретной

мобилизации. Америка ничего не потеряет, дав Союзу возможность совершать полеты над своей территорией. Зато, получив такое право, приобретут они много. Будь у США возможность летать над Союзом, новый, на этот раз ядерный, Перл-Харбор они не допустят. У Советского Союза просто не останется такой возможности, так как не останется возможности скрыть увеличение военной мощи и своей активности.

Чем больше Эйзенхауэр думал над этой идеей, тем больше она ему нравилась. Идеальный выход из тупика. А как звучит! Принцип «открытого неба»... Чудесная мысль! Однозначно, чудесная. Можно сказать, революционная! По его распоряжению над Союзом был проведен уже не один разведывательный полет. Но одно дело — действовать тайно, и совсем другое — имея официальное разрешение.

От тайных полетов результатов американское правительство не получило, так как вторгаться в воздушное пространство слишком далеко означало нарываться на еще больший конфликт. Но останавливаться Эйзенхауэр не собирался. Совсем скоро он получит в свое распоряжение самолет-разведчик, недостижимый для средств противовоздушной обороны, а в совокупности с новейшими достижениями в области фотоаппаратуры, согласится Советский Союз на пред-